

Луннатики и антиподы

По обе стороны океана люди слушают неслыханное

«Адриенна Лекувер» и грядущее «Осуждение Фауста» в Большом театре открыли для российских меломанов новые горизонты: наконец на афише главной музыкальной сцены страны появились свежие для нас названия. Это значит, что мы приобщаемся к мировой оперной практике, где репертуарного голода отродясь не бывало.

Известия. 2002-18 март. - С. 8.

Валерий КИЧИН

Европа: лунный пейзаж на Унтер ден Линден

Каждый визит в берлинские оперные театры — как поход в пещеру Али-Бабы: что ни название, то диловинка. В одной только Штаатсопер в прошлом году шла «Гризельда» — Скарлатти, теперь премьера «Лунного мира» Гайдна на сюжет Гольдони — детище совместных трудов театра и музыкального фестиваля в Инсбруке.

Конечно, «Il mondo de la Luna» — комическая опера, но Гайдн не умел писать коротко, да и вечность лежит между нами — я приготовился к величественному барочному томлению. Но после первого акта толпа зрителей вывалилась в фойе возбужденная: целый час она плакала от хохота и теперь утирала глаза. Опера XVIII века оказалась смешнее оперетты XX века. Сюжет с предприимчивыми дочками на выданье и их богатым отцом, который слышать не хочет о замужестве, а только бредит модными гипотезами про веселую жизнь на Луне и все глязет в телескоп (прибор заменяют две винные бутылки), разыгрывается как эмтвишн-клип с эротическими подтанцовками, колготками в сеточку и групповым прискоком. Новая попсовость вступила в связь с гайдновской моторикой — не изменив ни такта, музыка растеряла свой чинный академизм и зажила смешной жизнью. Пока на авансцене папа назидает дочкам, на втором плане служанка в джинсах трясется поперек ритма — у нее плеер на боку и затычки в ушах. Любовная ария сопровождается разделкой курицы: из пакета достается тушка с лапами враспорырку, в минуту отчаяния — хрясь! — отрубается голова, в минуту тягостного раздумья из тушки извлекается содержимое, и так, простирая окровавленные руки к лоби-

мону, хозяйственная девочка умоляет его быть с ней нежным. Режиссура Каролин Грубер спорит с традицией пиетета перед монстрами прошлого — считает, что классики были те же люди, подверженные тем же соблазнам и тоже неучтивые. Она ничего не реставрирует — театр не музей, — а общается с автором на равных, предлагает ему прикол за приколом, и музыка на эту идею легко соглашается. Идет уморительная переключка между сценой и оркестровой ямой: что не допело сопрано — дорыдает скрипка, баритону хрюкнет гобой.

Звезды собраны, как всегда, со всей планеты: дирижер Рене Якобс — контртенор и шеф фестиваля в Инсбруке; южноафриканский тенор Коби ван Ренсбург; американское сопрано Патриция Рисли и ее коллега из Коста-Рики Ирида Мартинез, интеллектуальный баритон Энцо Капуани. Оркестр «Академия старинной музыки» — совершенство, вокал приличен, молодые солисты современны по тону и восхитительны как комедийные актеры.

Во втором акте хитрые дочки и их женихи, чтобы охмурить сурового отца, поят его зельем, которое якобы перенесет его на Луну, где весело и девочки. Пока он спит, ребятки в синих комбинезонах выкрасят дом под лунный пейзаж с зависшей вдали Землей, к которой согласно законам гравитации тянутся горизонтальные пальмы. Теперь Луну надо населить экзотикой, и здесь режиссер делает ляп, от которого остерегал еще Станиславский. Когда-то основоположник МХАТа ввел в спектакль «Власть тьмы» старуху-крестьянку, вывезенную из захолустья; она прошла по сцене на заднем плане — и театра не стало: натуральность явления разрушила всю выверенную эстетическую систему. Что-то подобное случилось и в Штаатсопер: там изобраа-

Как еще можно показать на сцене лунную экзотику? Только позвать трансвеститов в перьях

зить лунную экзотику позвали людей из натурального шоу трансвеститов. Они загромодили сцену перьями, тощими ляжками и отвисшими животами, отнесли главных героев на второй план, стали всю хлопотать подержанными лицами и показывать кривоватые ножки — и зал пригас, поскуливал: этот паноптикум был уже из другой оперы.